

ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ПОЭЗИИ ПАУЛЯ ФЛЕМИНГА

М. Д. Загорская

Белорусский государственный университет, г. Минск;

mzagorskaa28@gmail.com;

науч. рук. – Г. В. Синоло, канд. филол. наук, доц.

Целью данного исследования является выявление ключевых философских проблем поэзии выдающегося немецкого барочного поэта Пауля Флеминга. Показана корреляция философской проблематики его лирики и мироощущения барокко – неостоиических идей, проблемы времени и вечности, темы *vanitas mundi*. Утверждается, что религиозно-философское и художественное осмысление этих проблем у П. Флеминга тесно связано с библейской архетекстуальностью, постоянным диалогом поэта с Библией, особенно с Книгой Экклесиаста.

Ключевые слова: Пауль Флеминг; немецкая поэзия барокко; неостоицизм; *vanitas mundi*; Библия; Книга Экклесиаста.

Пауль Флеминг – один из наиболее выдающихся немецких поэтов XVII века, в творчестве которого ярко репрезентировано барокко – и в плане мироощущения, и в плане поэтики и стилистики. П. Флеминг – прежде всего поэт-философ, в центре усилий которого кардинальные проблемы, поставленные его эпохой: проблема *vanitas mundi* – бренности мира, его трагизма, еще более усиленного ужасами Тридцатилетней войны, осмысление места и предназначения человека в этом мире, его ответственности перед собой, временем и Богом.

Барокко закономерно стало главным художественным направлением в немецкой литературе XVII в. Именно трагизм немецкой жизни, что породила война, дает возможность ярче зазвучать мотивам барокко о бренности, хрупкости и ничтожности человеческой жизни. Также XVII в. отличается повышенным вниманием к Библии и библейским текстам, а в особенности к Книге Экклесиаста. Эта книга, с ее мотивами бренности бытия и абсурдности жизни, становится одним из базовых текстов для поэзии барокко, точнее – архетекстом, смысло- и текстопорождающим текстом, прежде всего потому, что в центре этой библейской поэмы – абсурдность, бренность бытия и поиски вопреки этому смысла жизни (см. подробнее [4]). Белорусская исследовательница Г. В. Синоло отмечает: «Несомненно, ведущим мировоззренческим принципом барокко и одновременно его генеральной темой является *vanitas mundi* (“бренность мира”) – видение мира в бесконечной изменчивости, текучести, постоянном непостоянстве» [3].

Познание универсальных категорий бытия, ощущение непосредственной причастности глобальному времени составляют характерные черты внутреннего мира личности писателя XVII в., что ярко

и неповторимо отражает творчество немецких авторов и главным образом творчество Пауля Флеминга.

Многогранная личность П. Флеминга – натуралиста, ученого-путешественника, магистра искусств и доктора медицины, была ярким и убедительным примером мужества и оптимизма.

В его лирике важное место занимает неостоицизм – философия, которая исходит из того, что мир дисгармоничен и полон зла, но одновременно утверждает способность человека противостоять злу, сохраняя верность самому себе и Богу. Основное правило достойной жизни состоит в том, что человек не должен уступать страстям, но должен подчиняться Богу. Хотя у человека есть свобода воли, все, что происходит, находится под контролем Бога и, наконец, имеет тенденцию к добру. Человек, который соблюдает это правило, свободен, потому что его не побеждают инстинкты. Он спокоен еще и потому, что все материальные удовольствия и страдания для него неважны.

В неостоицизме мы замечаем сильное вторжение религиозного чувства, которое иначе расставляет духовные акценты старой Стои. В сочинениях новых стоиков мы находим целую серию параллельных Библии (а в сущности, почерпнутых из нее) идей, как, например, родство всех человеческих душ в Боге, универсальное братство, необходимость снисхождения к человеку, любовь к ближнему и даже любовь к врагам и ко всем, кто творит зло.

Эти идеи нестоической философии нашли отражение в сонете П. Флеминга «An sich» («К себе»):

Sei dennoch unverzagt! Gib dennoch unverloren!
Weich keinem Glücke nicht, steh höher als der Neid,
vergnüge dich an dir und acht es für kein Leid,
hat sich gleich wider dich Glück, Ort und Zeit verschworen.

Was dich betrübt und labt, halt alles für erkoren;
nimm dein Verhängnis an. Laß alles unbereut.
Tu, was getan muß sein, und eh man dir's gebeut.
Was du noch hoffen kannst, das wird noch stets geboren.

Was klagt, was lobt man noch? Sein Unglück und sein Glücke
ist ihm ein jeder selbst. Schau alle Sachen an:
dies alles ist in dir. Laß deinen eitlen Wahn,

und eh du fürder gehst, so geh in dich zurücke.
Wer sein selbst Meister ist und sich beherrschen kann,
dem ist die weite Welt und alles untertan [5].

‘Тем не менее будь непоколебим! Не дай себя потерять! / Не отказывайся от счастья, будь выше зависти, / довольствуйся самим собой и будь осторожен, не считай бедой то, / что счастье, место и время сговорились против тебя. // То, что тебя огорчает

и услаждает, считай, что все выбрано; / прими свое прошлое. Оставь все без раскаяния [Не сожалея ни о чем]. / Делай то, что должно быть сделано, и раньше, чем тебе приказывают. / На что ты еще можешь надеяться, так это на то, что все свершится. // На что жалуешься, что еще хвалишь? Несчастье и счастье каждого / в нем самом. Посмотри на все вещи: / все это внутри тебя. Оставь свое тщеславное увлечение, // и всякий раз, когда ты идешь за ним, возвращайся в себя. / Тот, кто сам себе хозяин и может владеть собой, / тому подвластен обширный мир и все' (здесь и далее подстрочный перевод наш. – М. З.).

Будь тверд без черствости, приветлив без жеманства,
Встань выше зависти, довольствуйся собой!
От счастья не беги и не считай бедой
Коварство времени и сумрачность пространства.

Ни радость, ни печаль не знают постоянства:
Чередование их предрешиено судьбой.
Не сожалея о том, что сделано тобой,
А исполняй свой долг, чураясь окаянства.

Что славить? Что хулить? И счастье и несчастье
Лежат в тебе самом!.. Свои поступки взвесь!
Стремясь вперед, взгляни, куда ты шел поднесь.

Тому лишь, кто, презрев губительную спесь,
У самого себя находится во власти,
Подвластна будет жизнь, мир покорится весь!

(Перевод Л. Гинзбурга) [2, с. 209]

Охваченный жаждой глубокого познания мира и всесторонней личной самореализации, Флеминг в сонете призывает своих современников проявлять стойкость в любых самых неблагоприятных и даже безнадежных обстоятельствах: «Sei dennoch unverzagt. Gib dennoch unverloren!... / und acht es für kein Leid, / hat sich gleich wider dich Glück, Ort und Zeit verschworen» ('Тем не менее будь непоколебим! Не дай себя потерять! / не считай бедой то, / что счастье, место и время сговорились против тебя'). Поэт учит читателя принимать жизнь такой, как она есть: «Was dich betrübt und labt, halt alles für erkoren» ('То, что тебя огорчает и услаждает, считай, что все выбрано'). Автор словно творит жизнь и судьбу, он советует никогда ни о чем не жалеть и не каяться: «Laß alles unbereut» ('Оставь все без раскаяния [Не сожалея ни о чем]'), не поддаваться зависти: «Steh höher als der Neid» ('будь выше зависти'). Поэт выражает уверенность в том, что каждый человек сам выступает творцом собственной судьбы: «Sein Unglück und sein Glücke / Ist ihm ein jeder selbst» ('Несчастье и счастье каждого / в нем самом'). Флеминг настаивает на необходимости искать и находить источник добродетели внутри себя, углубляясь в свой внутренний мир. Такое настроение показательно для эпох, которые находились под угрозой разрушительных кризисных социально-исторических событий.

Сонет «К себе», само название которого отсылает к одноименному трактату знаменитого римского стоика Марка Аврелия, очень показателен для эпохи неостоицизма, главная идея которого состоит в том, чтобы сохранить свое «Я», быть верным самому себе. Название сонета несет в себе сверхпонимаемые назидательно-пророческие ценности, характерные для барокко: «К себе» – здесь значит к каждому.

За три дня до своей смерти Флеминг сам сочинил свою эпитафию – сонет «Herrn Pauli Flemingi der Med. Doct. Grabschrift...» («Господина Пауля Флеминга, доктора медицины, надгробная надпись...»), в котором нестойчая тема мужественного страдания переплетается с горделивым мотивом гораианского «Памятника». Никто другой не смог бы это сделать лучше, чем сам Пауль Флеминг.

В сонете поэт писал, что был готов покинуть этот мир с чувством исполненного долга: «...ich, sag' euch gute Nacht und trete willig ab» [5] («...пожелаю вам спокойной ночи и с радостью уйду в могилу»). Он утверждал, что даже когда он уйдет из жизни, вся Германия будет его слышать, он будет жить, пока будет звучать его поэзия: «Man wird mich nennen hören, / bis daß die letzte Glut diß Alles wird verstören» [5] («Меня будут слышать / до тех пор, пока все не разрушит последний пожар»).

Особенно показательна в сонете последняя строка: «An mir ist minder Nichts, das lebet, als mein Leben» [5] («Во мне нет ничего живого, кроме моей жизни»). Возможно, именно этой фразой Флеминг и говорит читателю, что он умер, но он все еще жив в этих самых строках. Его поэзия – его жизнь. «Эпитафия» – подведение итога жизни поэта. Он сделал то, что ему суждено было сделать: писал, путешествовал. Он готов уйти и, если время пришло, ему перечить нельзя.

Как уже упоминалось, тема времени и вечности, соединяющихся в безвременье, – одна из центральных тем немецкой поэзии барокко. Барочное осмысление пространства и времени отличается динамизмом. Один из символов эпохи – Бог как Вечный Часовщик, который творит, заводит и регулирует Универсум.

В стихотворении «Gedanken über der Zeit» («Размышление о времени») Флеминг дает особенно глубокое осмысление философской проблемы времени, которая неоднократно звучит в его поэзии:

Ihr lebet in der Zeit und kennt doch keine Zeit;
so wißt, ihr Menschen, nicht von und in was ihr seid.
Diß wißt ihr, daß ihr seid in einer Zeit geboren
und daß ihr werdet auch in einer Zeit verloren.
Was aber war die Zeit, die euch in sich gebracht?
Und was wird diese sein, die euch zu nichts mehr macht?
Die Zeit ist was und nichts, der Mensch in gleichem Falle,
doch was dasselbe was und nichts sei, zweifeln alle.
Die Zeit, die stirbt in sich und zeugt sich auch aus sich.

Diß kömmt aus mir und dir, von dem du bist und ich.
Der Mensch ist in der Zeit; sie ist in ihm ingleichen,
doch aber muß der Mensch, wenn sie noch bleibet, weichen.
Die Zeit ist, was ihr seid, und ihr seid, was die Zeit,
nur daß ihr wenger noch, als was die Zeit ist, seid.
Ach daß doch jene Zeit, die ohne Zeit ist, käme
und uns aus dieser Zeit in ihre Zeiten nähme,
und aus uns selbst uns, daß wir gleich könnten sein,
wie der itzt jener Zeit, die keine Zeit geht ein! [4].

‘Вы живете во времени и не знаете времени; / итак, вы, люди, не знаете о себе и о том, что с вами будет. / Вы знаете, что вы родились во времени / и что вы также будете потеряны во времени. / Но какое время вас в себе принесло? / И чем будет то, что сделает вас больше ничем? / Время – это нечто и ничто, человек в равной ловушке, / но все сомневаются, что это одно и то же и ничего. / Время, которое умирает само по себе и тоже рождается само из себя. / Это исходит от меня и от вас, от которых вы и я. / Человек находится во времени; одновременно оно – в нем, / но если оно остается, человек должен уступить [отступить, подчиниться]. / Время – это то, что вы есть, а вы есть то, что время, / только не становитесь меньше, чем ваше время. / О, если бы время, которое без времени, пришло / и унесло бы нас из этого времени в свое время / и из нас самих, чтобы мы могли быть такими же, / как настоящее того времени, у которого нет времени!’

Во времени живя, мы времени не знаем.
Тем самым мы себя самих не понимаем.
В какое время мы, однако, родились?
Какое время нам прикажет: "Удались!"
А как нам распознать, что наше время значит
И что за будущее наше время прячет?
Весьма различны времена по временам:
То нечто, то ничто - они подобны нам.
Изжив себя вконец, рождает время время.
Так продолжается и человечье племя.
Но время времени нам кажется длинней
Коротким временем нам отведенных дней.
Подчас о времени мы рассуждаем с вами.
Но время это - мы! Никто - иной. Мы сами!
Знай: время без времен когда-нибудь придет
И нас из времени насильно уведет,
И мы, самих себя сваливши с плеч, как бремя,
Предстанем перед тем, над кем не властно время.

(Перевод Л. Гинзбурга) [2, с. 209]

Стихотворение является своего рода философским трактатом. Г. В. Синило пишет: «Размышляя о времени, поэт справедливо говорит, что это одна из самых больших загадок для человека, в равной степени как и „время без времени“ – вечность. Человеку дано знать о ней и стремиться к ней, но живет он во времени, которое к тому же необратимо. Оно неумолимо влечет человека к уходу из времени, и порой он не успевает

даже понять, для чего же пришел на землю. Время – нечто неуловимое, неощутимое, и вместе с тем оно определяет все» [3].

Размышляя, поэт пишет, что люди не знают ничего о времени и ничего не знают о себе, о своем будущем. Здесь важно заметить, что поэт уподобляет людей времени: «Die Zeit ist, was ihr seid, und ihr seid, was die Zeit» ('Время – это то, что вы есть, а вы есть то, что время'). Человек, оставивший след во времени, и есть время. В стихотворении само понятие «время» переосмысливается поэтом. Время и человек взаимоопределяемы: «Der Mensch ist in der Zeit; sie ist in ihm ingleichen» ('Человек находится во времени; одновременно оно – в нем').

Почти в каждом двустишии мы можем видеть игру антитезами: «Die Zeit ist was und nichts» ('Время – это нечто и ничто'); «Die Zeit, die stirbt in sich und zeugt sich auch aus sich» ('Время, которое умирает само по себе и тоже рождается само из себя'). Кроме того, поэт часто прибегает к типичному для барокко обыгрыванию многозначности слов.

Тема времени и ее переосмысление важно для всех времен, а особенно для поэтов эпохи барокко. «Размышление о времени» Флеминга связано с размышлениями Экклесиаста. Книга Экклесиаста неоспоримо является значимым архетекстом для поэзии барокко, а концепция времени является чрезвычайно актуальной.

Еще одно стихотворение, отсылающее нас своим названием к Книге Экклесиаста – сонет «Daß Alles eitel sei» («Все тщетно»):

Was, sprichst du, ist es wol, darauf du dich bemüht?
Kunst, Ehre, Reichtum, Lust, die Lüften gleich und Güssen
mit uns selbst schießen hin? Ich auch, Freund, bin geflissen
auf eben diesen Sinn, auf den du weislich siehst.

Ich weiß es mehr als wol, daß Alles eitel ist.
Wie aber kömmt es doch, daß wider unser Wissen
wir etwas, das nicht ist, doch schöne heißen müssen,
daß der ein Anders tut, ein Anders ihm erliest?

In Unvollkommenheit vollkommen werden wollen,
das machet unsern Sinn auf Neues so geschwollen,
erfüllet auf den Schein, am leichten Winde schwer,

an vollem Mangel reich. Wer kan von Herzen sagen:
Ich bin vergnügt in mir, weiß weder Lust noch Klagen.
Wie eitel Alles ist, der Mensch ist eitel mehr! [4].

‘Что, говоришь ты, есть благо, над которым ты трудишься? / Искусство, честь, богатство, похоть [наслаждение], которые словно ветер и ливень / стремительно от нас уходят? Я тоже, друг, прилежен / именно в этом смысле, который ты мудро понимаешь [на который указываешь]. // Я прекрасно знаю, что все напрасно. / Но как получается, что вопреки нашим знаниям / мы должны называть прекрасным то, что некрасиво, / что

то, что делает кто-то, отбирает другой? // Желание стать совершенным в несовершенстве, / которое делает наше восприятие новых вещей совсем другим, / наполненным до видимости, весомым на легком ветру, // богаче любого отсутствия [нехватки]. Кто скажет от души [от сердца]: / Я счастлив в себе, не знаю ни радости, ни печали. / Как все тщетно, еще более тщетен человек!

В сонете Флеминг, обращаясь к читателю на «ты» («du»), задается вечными вопросами о тщете, смысле и бессмысленности человеческих трудов: «Was, sprichst du, ist es wol, darauf du dich bemühst?» («Что, говоришь ты, есть благо, над которым ты трудишься?»). Это недвусмысленно отсылает нас к горьким размышлениям Экклесиаста: «Что пользы человеку от всех его трудов, над которыми трудится он под солнцем?» (*Еккл 1:3; перевод И. Дьяконова*) [1, с. 41]. И все же, как и библейский мудрец, немецкий поэт утверждает необходимость стремления человека к добру, совершенству, поискам самого себя, верности самому себе и Богу.

Таким образом, в своей поэзии Пауль Флеминг поднимает и глубоко осмысливает проблемы, актуальные для его времени и чрезвычайно важные для нашей современности: как остаться подлинным человеком во время страшного безвременья? В чем смысл краткой и бременной жизни человека? Что такое время и вечность, как они соотносятся? Поэт утверждает неостойчивое постоянство духа человека в его противостоянии суете, тщетности, абсурдности мира, верность человека Богу и самому себе. Вопреки кажущейся бессмысленности всего Флеминг говорит о высшем смысле, который должен открыть в себе человек, проложить дорогу из времени к вечности. Ответы на многие роковые вопросы поэт ищет в книге, ставшей настольной для авторов того времени, – Библии, чаще всего обращаясь к Книге Экклесиаста.

Библиографические ссылки

1. Ветхий Завет: Плач Иеремии; Экклесиаст; Песнь Песней / пер. и коммент. И. М. Дьяконов, Л. Е. Когана, Л. В. Маневича. – М. : РГГУ, 1998. – 304 с.
2. Немецкая поэзия XVII века / пер. Л. Гинзбурга. – М. : Художественная литература, 1976. – 208 с.
3. *Синило, Г. В.* Диалог с Экклесиастом в поэзии Пауля Флеминга / Г. В. Синило // Журнал Белорусского государственного университета. Филология. – 2019. – № 2. – С. 5–19. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://journals.bsu.by/index.php/philology/article/view/1612>. – Дата доступа: 25.10.2021.
4. *Синило, Г. В.* Книга Экклесиаста как “осевой” архетекст поэзии барокко / Г. В. Синило // Журнал Белорусского государственного университета. Филология. – 2018. – № 2. – С. 5–16.
5. *Fleming, P.* Deutsche Gedichte / P. Fleming. [Internet]. – Stuttgart: Lappenberg. – 1865. – Zugriffsmodus: <http://www.zeno.org/Literatur/M/Fleming,+Paul/Gedichte/Deutsche+Gedichte>. – Datum des Zugangs: 25.10.2021.